

С. П. Мельгунов

**Церковь и государство в
России. К вопросу о свободе
совести**

Сборник статей. Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. П. Мельгунов**
Церковь и государство в России. К вопросу о свободе совести: Сборник статей.
Том 1 / С. П. Мельгунов – М.: Книга по Требованию, 2016. – 196 с.

ISBN 978-5-517-96519-6

С 16 иллюстрациями в тексте.

ISBN 978-5-517-96519-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

никакой возможности — переработка являлась как бы равнозначашей написанію новой статьи. Между тѣмъ автору представлялось своевременнымъ выпустить сборникъ именно теперь, когда вопросъ о регламентаціи взаимныхъ отношеній церкви и государства стоитъ на очереди, когда нашему отечеству еще предстоитъ сдѣлать рѣшительный шагъ къ признанію и къ реальному, наконецъ, осуществленію въ жизни великаго принципа религіозной свободы. Но, быть-можетъ, этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени будетъ искупленъ тѣмъ, что изъ собранія въ отдѣльномъ изданіи разрозненныхъ газетныхъ статей особенно наглядно будетъ видно, какъ проводилась у насъ правительственная реформа, долженствовавшая дать свободу совѣсти русскимъ гражданамъ.

С. Мельгуновъ.

1 сентября 1906 г.

I.

Старый порядокъ.

I. Государство и церковь.

(Историческій очеркъ).

На очереди стоитъ вопросъ о возстановленіи патріаршества и упраздненіи Синода, какъ самостоятельнаго учрежденія; съ этой реформой тѣсно связывается полная реорганизація „вѣдомства православнаго исповѣданія“, упраздненіе должности оберъ-прокурора, реставрація во всей неприкосновенности каноническаго устройства церкви, т.-е. церкви свободной, выборной, самоуправляющей и независимой отъ государства.

Прогрессивная печать единодушно, конечно, будетъ привѣтствовать освобожденіе церкви отъ путъ бюрократическаго гнета, отъ вѣкового подчиненія ея государственнымъ цѣлямъ. Отдѣленіе церкви отъ государства, полное разграниченіе ихъ вѣдомствъ и регламентація ихъ взаимныхъ отношеній по классической формулѣ, данной Евангеліемъ: „Воздадите кесарево Кесареви, а Божье — Богови“ — лозунгъ каждой передовой политической партіи. Какъ сознали теперь и нѣкоторые представители нашей официальной церкви, такая реформа, избавляющая господствующую церковь отъ пагубнаго вліянія опеки свѣтской власти, необходима, чтобы внести „духъ живъ“ въ ученіе „казенной“ вѣры и возродить нравственный авторитетъ ея духовныхъ представителей.

Неминуемо ли связывается, однако, идея возстановленія патріаршества съ идеей свободы церкви? На этотъ вопросъ въ печати появились разнорѣчивые отвѣты. Привѣтствуя идеи замѣны бюрократическаго управленія церкви соборно-представительнымъ, нѣкоторые готовы видѣть, тѣмъ не менѣе, въ предстоящей реформѣ церковнаго управленія, зародившейся въ бюрократическихъ сферахъ, исключительно реакціонную мѣру, которая неизбѣжно должна привести еще къ большому единенію церкви съ государствомъ: эта реформа создастъ воинствующую церковь,

которая гнетъ бюрократіи замѣнить гнетомъ клерикализма, разъ только будутъ осуществлены desiderata духовенства о предоставленіи ему участія въ государственной жизни; другіе, напротивъ, считаютъ патріархатъ почти синонимомъ отдѣленія Церкви отъ государства или, во всякомъ случаѣ, воплощеніемъ извѣстной ея самостоятельности.

Чтобы разобраться въ этихъ противоположныхъ мнѣніяхъ, обратимся къ исторіи, которая въ данномъ случаѣ можетъ, дѣйствительно, сыграть роль „учительницы жизни“ Исторія покажетъ намъ, насколько возстановленіе патріаршества можетъ обезпечить церковь отъ административнаго „усмотрѣнія“ и дѣйствительно освободитъ ее отъ порабощенности мірскимъ интересамъ; она покажетъ, возможна ли вообще въ настоящее время своего рода „археологическая“ реставрація учрежденія съ отжившими уже формами, учрежденія, быть-можетъ, соотвѣтствовавшаго порядкамъ московской Руси и идеологіи ея представителей, но не удовлетворяющаго запросамъ времени. Если мы бросимъ ретроспективный взглядъ на процессъ вторженія государственной власти въ церковную жизнь, попытаемся выяснить тѣ результаты, къ которымъ привело это полицейское попользованіе въ теченіе вѣковъ на свободу совѣсти, мы намѣтимъ путь, по которому должны итти предстоящія церковныя реформы.

Какъ создалась въ Россіи національная государственная церковь?

Зародыши ея лежатъ еще въ той отдаленной эпохѣ, когда впервые мелькнулъ свѣтъ исторіи для русскаго государства. Молодая русская жизнь, прикованная многообразными связями къ Византіи, откуда она получила свою цивилизацію, первые зачатки политическихъ, гражданскихъ и общественныхъ отношеній, естественно должна была подчиниться греческому авторитету. Духовная побѣда Византіи ознаменовалась водвореніемъ византійскихъ идей и въ русской церкви, до XV в. подчиненной константинопольскому патріархату — идей цезаро-папизма.

Если на Западѣ религіозно-политическія доктрины папства, пытавшіяся осуществить „Царство Божіе“ на землѣ путемъ созданія гигантской всемірной мо-

нархїи на теократическихъ началахъ, при столкновенїи съ жизнью терпѣли неудачи и сводились, въ концѣ-концовъ, къ проповѣди тѣснаго союза между церковью и государствомъ, принципа равноправїа, выразившагося наиболѣе ярко въ ученїи о двухъ мечаяхъ: духовномъ, принадлежащемъ папѣ, и свѣтскомъ—государю, то въ Византїи въ силу особыхъ условїй церковно-политической жизни, не благоприятствовавшихъ въ общемъ развитію самостоятельнаго могущества церкви, идеи, ставящїя „святительство“ выше „царства“, не могли привести къ антагонизму съ государствомъ, и выливались въ жизни скорѣе въ форму подчиненїя церкви государству: византїйскїй императоръ, умѣло эксплуатируя въ свою пользу авторитетъ духовной власти, являлся на дѣлѣ не только пассивнымъ блюстителемъ неприкосновенности вѣры и защитникомъ церковныхъ интересовъ, но и активнымъ ея устроителемъ, ея официальнымъ представителемъ. Въ такой формѣ византїйская система государственной религіи была воспринята и въ Россїи, гдѣ церковь съ самаго начала стала подлѣ непосредственное покровительство свѣтской власти. Лѣтописи свидѣтельствуютъ намъ, что княжеская власть издревле вмѣшивалась въ церковныя дѣла: она распоряжается учрежденїемъ епископскихъ кафедръ и замѣщенїемъ вакантныхъ, по ея приказанїю совершаются такїе церковные акты, какъ перенесенїе мощей и канонизація святыхъ; она, наконецъ, изгоняетъ нерѣдко неугодныхъ ей представителей тогдашней церкви, митрополитовъ и т. д. Естественно, впрочемъ, что на первыхъ порахъ при политической раздробленности Руси и слабости государственной власти, княжеская воля не могла фактически имѣть слишкомъ большого влїянїя на дѣла вѣры; поэтому нравственный авторитетъ представителя духовной власти, санкціонированный еще высшимъ авторитетомъ византїйскаго императора и патріарха, въ глазахъ современнаго общества стоялъ высоко и независимо. Церковь, какъ наиболѣе яркое воплощенїе религіозно-моральнаго единства, при раздробленности государства являлась представительницей „всей Руси“, носительницей идеи національнаго объединенїя.

Съ поворотомъ русской политической жизни на новый путь эти отношенїя государства и церкви постепенно измѣняются. Возвышенїе Москвы и объединенїе около

нея удѣльныхъ княжествъ происходитъ при дружественномъ взаимодействіи представителей свѣтской и духовной власти, при чемъ идея религіознаго единства служить средствомъ для оправданія завоевательной политики московскаго князя, для оправданія его не- всегда благовидной политики „примысловъ“. По мѣрѣ того, какъ подъ властью московскаго князя объединяется вся русская народность и московское княжество превращается въ російское царство, — представитель его возводится въ рангъ самодержцевъ, и теорія московскихъ книжниковъ дѣлаетъ его законнымъ преемникомъ и наслѣдникомъ павшей подъ ударами „агарянь“ греческой монархіи. Съ утерей какъ бы вассальной зависимости отъ византійской короны должна была эмансипироваться и русская церковь отъ духовно-іерархическаго подчиненія константинопольскому патріарху. При всемірно-исторической роли, предписанной московскому государству теоріей о „Москвѣ—третьемъ Римѣ“, естественно національное возвеличеніе русской церкви являлось по преимуществу политическимъ актомъ. По византійской теоріи былъ „одинъ царь во вселенной“, этимъ царемъ дѣлается московскій князь, какъ единственный оставшійся независимымъ представитель греческой православной вѣры, и къ нему переходятъ функціи византійскаго императора — „браздодержателя святыхъ Божіихъ престоловъ святой вселенской церкви“. Успѣхи національнаго самовозвеличенія въ области религіи завершились превозглашеніемъ автокефальности русской церкви (подъ управленіемъ собственнаго патріарха съ 1589 г.), но въ то же время приписываемая московскому государю почетная роль блюстителя отеческаго православія и охранителя національной русской церкви съ ростомъ политическаго самосознанія и фактическимъ усиленіемъ власти московскихъ самодержцевъ превращается постепенно въ мелочную опеку государствомъ церкви, и тѣсный, неразрывный союзъ „собирателей русской земли“ съ представителями духовной власти, дружно поддерживавшими въ своихъ интересахъ ихъ политическія притязанія, замѣняются началомъ подчиненности.

Начиная съ половины XV вѣка государство замѣтно беретъ перевѣсъ надъ церковью: князь Василій Темный, какъ столпъ и опора православія, играетъ уже первѣн-

ствующую роль въ охранѣ чистоты догматовъ въ эпоху флорентійской уніи, принесенной въ Россію митрополитомъ Исидоромъ; духовный авторитетъ митрополита не является для него неприкосновеннымъ, и вмѣсто низложеннаго Исидора въ 1444 г., „по повелѣнію государя великаго князя русскаго самодержца“ избирается свой русскій митрополитъ—Іона.

Въ XVI вѣкѣ идеи національной государственной церкви и проповѣдь союза алтаря и престола, въ жизненныхъ столкновеніяхъ неизбежно превращающагося въ подчиненіе церкви государству, получаютъ свое мѣстное теоретическое обоснованіе въ школѣ московскихъ книжниковъ—іосифлянъ, названныхъ такъ по имени основателя этой школы знаменитаго игумена Волоколамскаго монастыря. Отожествляя господство московскихъ порядковъ съ процвѣтаніемъ національной церкви, школа волоколамскихъ иноковъ санкціонируетъ вмѣшательство государства въ сферу религиозныхъ вопросовъ и въ своей практической программѣ объявляетъ авторитетъ свѣтской власти главнѣйшимъ разрѣшителемъ всѣхъ церковныхъ вопросовъ—государство не только въ правѣ, но и обязано опекать церковь. Съ точки зрѣнія іосифлянъ представитель свѣтской власти мыслится, какъ „настырь словесныхъ овецъ Христовыхъ“, главнѣйшая задача котораго заботиться о спасеніи душъ своихъ подданныхъ.

Естественно, что московскіе самодержцы, и не отличавшіеся, подобно Грозному, „смышлениемъ быстрымъ“, весьма сочувственно отнеслись къ такимъ выгоднымъ для нихъ, хотя и неканоническимъ, теоріямъ и весьма скоро восприняли ихъ во всей полнотѣ. Грозный—этотъ публицистъ-государь, бывшій, по словамъ современниковъ, „въ словесной премудрости риторъ естествословенъ“, столь любившій давать метафизическія обоснованія прерогативамъ царской власти, такъ формулируетъ въ своей перепискѣ съ теоретикомъ боярской оппозиціи—Курбскимъ, задачи государственной власти: „Тшужеса со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ поставить, да познають единаго истиннаго Бога, Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя“... Итакъ, представитель свѣтской власти видитъ въ себѣ прежде всего намѣстника Божьяго и смотритъ на свои правительственныя обязанности съ религиозной точки зрѣнія. Божье дѣло отождествляется съ государевымъ дѣломъ:

нарушение царскихъ приказовъ, всякое государственное преступленіе разсматривается, какъ нарушение Божественнаго закона.

Конечно, при такихъ условіяхъ вліяніе царской власти простиралось на всѣ стороны религіозной жизни, нидо церковное дѣло принципиально не было изъято изъ компетенціи царя, и мы видимъ полную неразграниченность двухъ вѣдомствъ, полное смѣшеніе религіозной и государственной точекъ зрѣнія. Являясь устройтельницей церковной дисциплины, гражданская власть организуетъ церковныя процессіи, предписываетъ религіозные обряды, отдаетъ распоряженія относительно внутренняго благочинія и благолѣпія храмовъ, „чтобъ по святымъ церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу“, входитъ въ разсужденіе даже относительно обычной класть на престолъ родильную сорочку и т. д. Въ видахъ охраненія неприкосновенности отеческаго православія она слѣдитъ за духовной жизнью, за движеніями совѣсти народной массы, регламентируетъ до мелочей ея вѣрованія, осуждаетъ ереси и пр.

На знаменитомъ Стоглавомъ соборѣ, созванномъ по инициативѣ свѣтской власти для пересмотра и установленія „на вѣки“ духовнаго содержанія національной церкви, идеалы волоколамскихъ иноковъ получили полное свое осуществленіе, приняли, такъ сказать, реальную форму; духовные соборы въ правленіе Грознаго явились какъ бы вѣнцомъ іосифлянскіи политики. Съ этихъ поръ и теоретически и практически русскій монархъ „ярко христіанскій государь—какъ гласитъ современный свѣтскій законъ,— есть хранитель догматовъ и благочинія православной церкви“.

Естественно, союзъ церкви и государства, вызванный обоюдными интересами и отвѣчающій историческому моменту, до времени не могъ быть слишкомъ обременителенъ ни для вѣрующихъ ни для самой привилегированной церкви. Въ періодъ формулировки и практическаго осуществленія іосифлянскихъ идей выставленная государствомъ и церковью программа совмѣстнаго сотрудничества могла скорѣе вызвать не протестъ, а одобреніе: заботы царя о церковномъ устройствѣ, его вмѣшательство въ область вѣры являлось „добрымъ и похвальнымъ дѣломъ“, признакомъ благочестія и любви, преданности къ національной церкви представителя свѣтской власти, тѣмъ